

В. В. РОЗАНОВ

Об отлучении гр. Л. Н. Толстого от Церкви (1902—1906)

Акт Синода относительно Толстого я считаю невозможным теоретически, а потому и в действительности как бы не составившимся вовсе. Это по следующим причинам. «*Similia similibus expelitur*» («подобное подобным изгоняется») — равно в органической и духовной природе. Нельзя алгебру опровергать стихами Пушкина, а стихи Пушкина нельзя критиковать алгебраически. — Синод может быть святым и, вероятно, *праведен* по личностям, его составляющим: но нужно же всмотреться во все его учреждения, в рождение его и историю, в механизм его устройства, в смысле вызова епископов заседающих, и в самый процесс заседания, и, наконец, в постоянные двухвековые темы его суждений, чтобы понять, что это есть строгое, точное, так сказать, алгебраическое учреждение, без всякой собственной души в нем, волнения, совести, свободы — непременных элементов религиозности. Синод не есть религиозное учреждение, почти не есть, очень мало есть. И не имеет ни традиций, ни форм, никаких способов религиозно религиозно судить. Отсюда прозаичность бумажки о Толстом, им выпущенной: Синод не умеет религиозно говорить. Митрополит Антоний в ответном письме графине Толстой не назвал Синод «Святейшим», что тогда же меня поразило как правда, как пример невозможности употребить сей эпитет в языке неофициальном, серьезном, частном, сердечном. Синод, не говоря о лицах, а говоря об учреждении, не имеет сердца и вообще никаких признаков личного и живого и свободного существа. А Бог — личен, жив, свободен, — и от Бога и именем Божиим что-нибудь сказать Синод просто не может, не умеет, не имеет формы по отсутствию в самом нем «образа и подобия Божия». Между тем Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть

огромное религиозное явление, может быть — величайший феномен религиозной русской истории за 19-й век, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть дуб, и не его судить механически-формальному учреждению, которое никак не выросло, а сделано человеческими руками (Петр Великий с серией последующих распоряжений). Посему Синод явно не умеет подойти к данной теме, долго остерегался подойти и сделал, может быть, роковой для русского религиозного сознания шаг — подойдя. Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого. «А, так вот в чем наша вера», могли воскликнуть русские в параллель толстовской «В чем моя вера». Там у Толстого — тоска, мучения, годы размышлений, Иово страдание, Иова буря против Бога. Даже бесы видели Иисуса и трепетали, но Синод вовсе не видел никого Иисуса и похож на рожденных до Христа: ни мучений, ни слез, ничего, а только способность написать «бумагу», какую мог бы по стилю и содержанию написать каждый учитель семинарии или гимназии. Толстой — как бес перед Иисусом (допустим), но поступок Синода просто есть решение византийского или римского юрисконсульта, до рождения Христа высказанное: до такой степени в характере и методе и тоне его не отражается ничего христианского.

Толстой написал: «Чем люди живы». Он как бы видел Ангела у мужика¹; я настаиваю на слове «видел»: густота размышлений уплотнилась до осязательности того образа. Скажите: какие «видения» видел когда-либо Синод? Никаких. Покажите мне «знамения» Синода — ибо верующие требуют «знамений», когда философы спрашивают «доказательств». У Синода есть доказательства, а вот «знамений» — нет; и он в одной части есть административное учреждение, а в другой — философская академия, без всякого «помазания». Вот, в самом деле, еще термин: каждый из членов Синода — помазан, но ведь не *каждый* отдельный член Синода судил Толстого от себя и за себя, а судило учреждение, которое ни на коллективные суждения, ни на коллективные решения помазания не имеет.

Все это чувствовали, и все остались холодны к решению, безотчетно чувствуя, что в нем нет ни святости, ни религиозности, а исключительно светкость, мирской характер.

Это — мирское дело, только совершенное не мирянами.

1902 г.

P. S. Толстого могла бы осудить, «отлучить от Церкви» толпа закричавших мужиков, баб, — веру и даже «суеверия» которых он оскорбил. Пусть и «суеверия», но под ними века, кровь и уми-

ление. Я хочу сказать, что «отлучение» понимаю и даже допускаю (ведь отлучение — «от себя» только, от верующих, без универсального тезиса): но нужны эти воспламененные лица, горячо дышащие груди, поднятые руки, загоревшиеся глаза. Нужно «с кровью» оторвать такое явление, такого человека от своей груди, от народной груди; а вот «крови»-то мы и не видели, а только бумагу и номер. Это кощунство, а не серьезный факт; и менее всего — факт «церковной жизни». Отлучение было а-экклезиастично, внецерковно.

